КРУГЛЫЙ СТОЛ

БОЧАРНИКОВ Владимир Николаевич

доктор биол. наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии
ДВО РАН (г. Владивосток)
Электронная почта: vbocharnikov@mail.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич

доктор геогр. наук, руководитель сектора проблем развития и функционирования
территориальных экономических систем Института экономических исследований
ДВО РАН (г. Хабаровск)
Электронная почта: demyankenko@ecrin.ru

КИРЕЕВ Антон Александрович

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы
региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: antalkir@yandex.ru

БАРБЕНКО Ярослав Александрович

канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы
региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: prohist@ya.ru

КАРАМАН Вадим Николаевич

канд. ист. наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединённого
музея имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток)
Электронная почта: karaman-v.n@mail.ru

Круглый стол «Возможна ли «колонизация» пространства?»

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/79-92

Эпоха мобильности, видимо, стирает территориальную идентичность (и, возможно, идентичность любую [2]), однако это не умаляет актуальности её исследования, пусть даже как исторического феномена. Для «регионов позднего освоения», таких как Дальний Восток, идентичность связана с понятиями колонизации/освоения, причём, возможно, уже на уровне названия региона. Наш коллектив уже обращался к проблеме соотношения понятий «колонизация» и «освоение» [1; 13], в этот раз мы решили сосредоточиться на подходе Александра Эткинда, опубликовавшем в уходящем году очередную книгу.

Задача нашей встречи — обсудить систему взглядов Александра Эткинда на существо колониальности, проанализировать одно из центральных понятий, используемых Эткиндом во многих штудиях, «внутренняя колонизация», оценить границы применимости этого понятия. Основные вопросы, выносимые на обсуждение: 1) в «Природа зла: сырьё и государство» Эткинд пишет о природных ресурсах как производственном сырье; годятся ли категории автора для анализа пространства как ресурса развития, пространства как такового, без учёта имеющегося там сырья? Можно ли интерпретировать, например, Дальний Восток как «колонию присутствия»? 2) логика концепции внутренней колонизации строится на представлении об экзотизации окраин центром, простолюдинов правящим классом, общества государством; в таком случае можно ли интерпретировать используемые се-

Для цитирования:
Круглый стол «Возможна ли
«колонизация» простран-
ства?» // Известия Восточ-
ного института. 2020. № 3.
С. 79–92. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/79-92

годня топонимы «Дальний Восток России» и «Тихоокеанская Россия» как два образа территории — традиционный колониальный (экзотизирующий и разделяющий) и современный неколониальный (нормализующий и интегрирующий)?

В. В. Бочарников: Не могу судить о корректности того огромного материала, который приводит А. Эткинд в своих работах, и по своей сути это некий историко-литературный дискурс со многими элементами политико-культурно-этнических интервенций. Не обращаясь специально к цитатам из его текстов, я хотел указать на два аспекта его принципиальных утверждений. Первый: рассматривая понятие «колонизация», неважно в каких формах и форматах терминологического возможно его приложение, считаю необходимым обратиться вначале к термину «освоение». Второй: А. Эткинд неоднократно указывает, что рассуждает с позиций исторического и культурного подходов и, как следствие, именно с такого видения обосновывает «зловредность» существования империй во все времена, в т. ч. убеждая читающих в том, насколько периферия зависима, и, как следствие, «страдает» от произвола элит.

Итак, попытаемся разобраться, что же такое «освоение»? Это слово считается понятным и очевидным, и чаще всего полагается, что речь идет о превращении «чего-либо» в «свое». «Философский словарь» трактует «освоение» как «способность человека в процессе своей воспроизводственной деятельности преобразовывать ранее накопленное богатство культуры в содержание своей личностной культуры, сознания, деятельности, внешнее делать внутренним, превращая тем самым культуру, социальные отношения, самого себя в условия, средства и цель воспроизводства» [9].

Следовательно, «осваиваемое содержание «сложившейся культуры»» выступает как абстракция убеждающая, что в процессе освоения, воспроизводства экстраполируется, интерпретируется, конкретизируется среда и некий центральный объект. Для географов — это пространственная двухмерная проекция территории, это «горизонтальный» срез; историк скорее выделит социум, событие, явление. Таким образом, для историков, как я так понимаю, ведущим выступит временная вертикаль, как хронологическая протяженность, следовательно, получить привязку события или процесса мы можем, только поместив в систему любых пространственно-временных координат. У А. Эткинды данный координатный принцип не выдерживается, следовательно, множество используемых цитат и отсылок к историографическим источникам, как бы «зависают» вне пространственно-временного континуума, не имея должной привязки ни к территории и нередко ко времени, и, как следствие, к среде.

Полагаю, что в термин «освоение» следует вкладывать более широкий аксиологический смысл, связанный с взаимоотношениями человека и социума с миром и Космосом. Здесь более приемлемо понимание термина «освоение» немецким философом А. Куреллой: человек «единственное существо, которое в состоянии как индивид и как род проявить свою внутреннюю сущность, своё, так отделить его от себя, что это своё оказывается затем противостоящим ему как нечто чужое. В качестве чужого (и только в качестве такого) своё по-

лучает долговечность, и благодаря этой долговечности (и только благодаря ей) оно может быть присвоено либо тем, кем оно отчуждено, либо другими, чужими людьми» [10]. Автор продолжает, что процесс обмена со средой заключается во взаимопереходе чужого в своё и своего в чужое.

Он же рассматривает тезис В. П. Тугаринова, «в основе освоения мира человечеством и отдельным индивидом лежит триединый акт: познание—оценка—практика» [11]. В своем «сетевом эссе» я привожу ещё несколько «типовых мнений» социологов, философов и культурологов, о том, чем и как может быть представление об освоении. Так, А. Рунева рассматривает освоение как сущность деятельности: «Освоение есть осуществляемое в процессе универсальной человеческой деятельности превращение природной и общественной необходимости в свободу, законов объективной действительности — в законы человеческой деятельности, условий социального бытия человека в его собственную сущность» [4].

Осваивая, делая своими предметы и явления окружающего мира, человек вовлекает их в сферу своего существования. Далее, как считает Н. З. Коротков, освоение — это процесс «превращения» предметов окружающего мира в человеческие ценности, при этом происходит социальное становление человека. Таким образом, возникает условие, что для характеристики любого материального обмена (а «колонизация» не противоречит общему смыслу «обмена») более уместны термины «присвоение» и «отчуждение», которые выражают прерывность, материальность и относительную завершенность процессов.

И у А. Эткина, как следует из его исторических и этнографических сведений, приводимых в обсуждаемых публикациях, можно найти и понять: как то, что было присвоено, (стало своим) — норма, и наоборот, то, что было отчуждено, перестало быть своим и стало чужим на некий момент времени и протяженности пространства. И замечая здесь, что средством, инструментом и знаком присвоения предметов могут быть, например, как физический акт, в котором язык, которым облизывают получившую во владение (или под покровительство) вещь, чем присваивает ее, когда на нее (вещь) ставят свои метки, тавро, тамгу, зарубки, и сопоставимо с тем, что освоенную кем-то территорию обозначают межевыми знаками, пограничными столбами.

Считается, что на начальных этапах истории эти стороны или формы освоения мира все были направлены в конечном счете на удовлетворение нужд человека, достигаемое в практике, а поскольку познание и оценка были ограничены непосредственным удовлетворением этих потребностей, были включены в процесс практики [12]. Колонизация может быть помещена в структурность процессов освоения территории, но понимание их пространственно-временных особенностей обусловлено (особенно при сравнении) широкой картиной показа развития «того общества», «того государства», «тех элит» и никак иначе. Только на этом фоне могут быть представлены детали появления новых и совершенствование существующих способов использования всех имеющихся ресурсов, в том числе природных.

В географии внимание исследователей к этим вопросам связано с географо-экологическим их восприятием, и уверенностью, что от их реализации на практике зависят возникающие в дальнейшем проблемы в природопользовании осваиваемого региона. Взгляд на тер-

риторию как ресурс, в числе прочих подлежащих экономии, высказывался различными исследователями, например, в пространственной экономике и экономике природопользования. Оригинальное мнение по этому поводу принадлежит географу Б. Б. Родоману, который полагает, что «первичным сырьём» следует считать типы ландшафта по своим качествам близкие к чисто природным, а «вторичным сырьём» — высокоантропогенные [14]. Суждение Б. Б. Родомана продолжает одну из географических традиций рассматривать территорию не только как сеть политико-административных образований, но и как закономерную совокупность ландшафтов — современных определённым этапам взаимодействия общества и природы, т. е. природопользования.

Продолжая тематику освоения, отмечу, что толковый словарь Ожегова передаёт смысл термина «освоить» как «вполне овладеть чем-нибудь, научившись пользоваться, распоряжаться, обрабатывать». Освоить можно передовую технологию и «новые земли», в этом случае, освоение может быть уточнено термином «колонизация» [8]. Представления о том, что и как подлежит освоению, а следовательно, и преобразованию, отличаются даже у различных представителей осваивающей стороны, которая открывает для себя новую, в целом ей пока малоизвестную территорию. Здесь много можно действительно приводить примеров по освоению Сибири и Дальнего Востока.

Относительно частный вопрос — о том, что такое и где проходит, действует понятие колонизация у Александра Эткинда, но в этой связи вновь и вновь возникает фундаментальный вопрос, а способны ли мы найти своё уже будущее в том случае, если наш вопрос о происхождении и смысле нашей жизни пока лишь сводится по существу к проблеме расшифровки биологических свойств генетического кода? Хорошо распознаётся, что ныне человек превращается в автономного субъекта, этносы в прежнем состоянии распались, изгнаны даже из специальной литературы, а кто и зачем тогда в общности перемещается и продолжает осваивать «нашу» единственную планету?

А. Н. Демьяненко: Так получилось, что знакомство с работами А. М. Эткинда [17; 18; 19] шло у меня параллельно с чтением книги Т. Николса «Смерть экспертизы: как интернет убивает экспертное знание» [7]. И чем больше я вчитывался в тексты А. Эткинда, тем более крепло ощущение, что причину незавидного положения экспертного знания не стоит связывать исключительно с интернетом.

Действительно, тема колонизации да к тому же в контексте российской истории, казалось бы, разработана вдоль и поперек. Здесь уместно вспомнить и классиков отечественной исторической науки, таких как С. М. Соловьев, А. П. Шапов, В. О. Ключевский и их последователей. А еще были А. А. Кауфман, И. Ямзин, Г. Ф. Чиркин, которые выказали целый ряд идей, многие из которых, к сожалению, оказались в силу разных причин не востребованными.

Востребованной оказалась концепция «внутренней колонизации», которая, по мнению А. Эткинда с соавторами, есть — «применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства» [17, с. 18]. А сопровождается упомянутая внутренняя колонизация великорусских областей «искусственным производством культурных различий, необходимых для того, чтобы

дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения» [17, с. 14].

Тут уж не до творческого осмысления классического наследия, тут нужно нечто этакое — и этакое нашлось. Оказывается, «в 2000-е годы исследование внутренней колонизации как типологического явления и внутренней колонизации России как «модельного» сюжета становится самостоятельным проблемным полем, в котором работают авторы, придерживающиеся разных методологий» [19, с. 22].

И, что же это за авторы, которые придерживаются разных методологий? Оказывается это Э. Саид, Х. Бхабха, Г. Л. Гейтс и Г. Спивак. Именно постколониальные идеи этих авторов, по мнению М. А. Эткинда (с соавторами и без оных) следует тестировать на материалах российской истории. И действительно, почему бы и нет? Но, тогда возникает вполне здравый вопрос: а что из идей упомянутых авторов, следует тестировать и с какой целью? Ответ прост и незатейлив: «мы сосредоточиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм. Кроме того, для нас важны предложенные этими авторами методы исследования, потребовавшие новой терминологии» [19, с. 23].

И здесь происходит весьма любопытная метаморфоза: исследование крайне сложного социального феномена предполагает междисциплинарный подход, а вместо этого Эткинд сотоварищи предлагают инструментарий из культурной истории, обозначая его как метафорический подход. Однако исторический материал, имеющий отношение к российской колонизации, требует междисциплинарности, его невозможно втиснуть в рамки культуральной истории. И тогда А. Эткинд обращается к фактам российской экономической и политической жизни.

Для понимания сущности метода, предлагаемого А. М. Эткиндром, крайне важно следующее положение: «Моё решение — своего рода эйзенштейновский монтаж, переплетенный общим принципом, которым в этой книге стала внутренняя колонизация. Я предлагаю этот термин в качестве метафоры или механизма, который делает возможным изучение Российской империи вместе с другими колониальными империями прошлого. Итак, в этой книге два нарратива о России соединяются в один — историю внутренней колонизации, в которой государство колонизовало народы, включая и тот народ, который дал этому государству его загадочное название» [17, с. 9].

И здесь самое время сделать паузу в анализе исканий А. М. Эткинда относительно внутренней колонизации и попытаться разобраться с тем, что есть колонизация. И коль нет сколько-нибудь устоявшегося понимания того, что это такое, то, скорее всего, следует обратиться к истории вопроса. То есть попытаться понять, каким образом эволюционировал сам концепт колонизации.

Начать краткий экскурс в историю вопроса предлагаю с Леруа Болье¹, с которого начинается традиция рассмотрения колонизации как сложного социального феномена. К тому же колонизация не только крайне сложный социальный феномен, но и находящийся в процессе постоянных изменений. И еще одно положение, о котором следует упомянуть, коль речь зашла о Леруа Болье: колонизация имеет

¹ Не могу отказать себе в удовольствии привести цитату из монографии этого замечательного учёного: «... колонизация, бесспорно, входит в сферу социальных явлений. Это весьма сложная функция обществ, достигших весьма высокой степени цивилизации ...» [6, с. III].

² Если обратиться к многочисленным текстам А. А. Кауфмана, И. Ямзина, Г. Ф. Чиркина и других исследователей и организаторов колонизационной деятельности в России рубежа XIX — XX веков, то придется признать: эти авторы были хорошо осведомлены о научных исследованиях в области колонизации как в Европе, так и в Северной Америке.

³ Для справки: «...политика как Московского, так и Петербургского правительства до конца XIX столетия определялась почти всецело политической потребностью в заселении окраин, как способ упрочения в них русского господства» [5, с. 11]. Кстати, одновременно с колонизацией, проводимой государством, шла «вольнонародная колонизация» [20].

помимо всего прочего многообразие форм проявления. Иначе говоря, различные государства в конечном счете формируют каждое свою систему институтов, определяющих направление и характер колониальных процессов.

Впрочем, идеи Леруа Болье² не единственный источник формирования российской школы колонизации, другой источник — теоретическое осмысление практики колониационного движения. Увы, но напрасно искать в библиографических списках работ А. М. Эткинды фамилии В. Воицина, А. Воейкова, Н. Огановского, Г. Чиркина и многих других отечественных исследователей, посвятивших немало времени и сил изучению колониационных процессов в России [3]. Если все-таки таковые встречаются, то вызывает удивление выбор работ, впрочем, как и интерпретация результатов исследований. Только один пример. А. А. Кауфман, автор многочисленных работ по колонизации Сибири и Дальнего Востока, в том числе, ставшей классической «Переселение и колонизация» [5], представлен у А. М. Эткинды работой «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (1908). Но, в конце концов, можно принять, что Эткинды по каким-то только ему известным причинам проигнорировал «Переселение и колонизацию» и посчитал нужным остановиться на другой работе А. А. Кауфмана. Но зачем понадобилось ему делать вывод за Кауфмана, согласно которому «в России община была институтом колониальной собственности на землю»? Ни о чем подобном Кауфман не писал ни в одной из своих многочисленных работ. И это скорее характеризует метод работы А. М. Эткинды с источниками, чем что-то иное. Не будучи профессиональным историком, я всё-таки рискну предположить, что такой метод, игнорирующий первоклассные работы по колонизации России, с одной стороны, а с другой — вольное обращение с источниками, вряд есть хорошо, даже если автор — профессор Кембриджского университета.

И здесь нам следует вновь вернуться к понятию «внутренняя колонизация». Дело в том, что, по мнению Эткинды, «внутренняя колонизация означает процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ, реальных или воображаемых» [17, с. 18]. Но в то же самое время автор утверждает, что ситуацию внутренней колонизации в России породила, причём задолго до нефти и газа, ресурсная зависимость. Понять такого рода причинно-следственные связи мне трудно. И отсылка к «новейшим идеям институциональной политэкономии», которые автор соединяет с «забытыми интуициями Афанасия Щапова» [17, с. 109], ничуть не проясняют ситуацию.

И уж совсем в высшей степени оригинально выглядит утверждение, согласно которому «Географическое пространство России, в ее огромной протяженности на север и восток, сформировано пушным промыслом» [17, с. 124]³. А сам пушной промысел, полагает А. М. Эткинды, осуществлялся при прямом участии в организации оного Московского государства, а затем Российской империи. Более того, «такая роль государства делала возможным неограниченное применение насилия» [18, с. 91].

И тут пришло время для Т. Николса, у которого мы находим следующее умозаключение, как нельзя кстати подходящее для темы нашего обсуждения: «В самой природе склонности к подтверждению

собственной точки зрения заложена тенденция отбрасывать любые противоречащие факты, как ненужные. А значит мои данные это всегда норма, а ваши данные это всегда ошибка или исключение. Невозможно спорить с подобного рода объяснением, потому что, по определению, оно никогда не бывает ошибочным» [7, с. 92].

А. А. Киреев: На мой взгляд, работы А. Эткина интересны, прежде всего, как зеркало состояния современного обществознания. Благодаря своей эрудиции и погруженности в широчайший литературный контекст Эткин ярко, концентрированно выражает метаморфозы исследований общества. Социальная наука присутствует в его работах одновременно во множестве трактовок – от классической историко-филологической герменевтики до новейшего постнеклассического натурализма (именуемого у автора «материальным поворотом»).

Богатство смыслов, предметных ракурсов, парадигм, подходов, дисциплинарных и национальных традиций в текстах Эткина замечательно с точки зрения возможности обозрения обширного и пёстрого пространства социогуманитарного знания. Однако никакой стратегии «колонизации» и упорядочения этого пространства автор не предлагает. Постколониальная (или постнаучная?) разногласия мнений, ценностная ацентричность и методологический эклектизм, кажется, принимаются им как данность, если не как должное.

Хотя своя предпочтительная «оптика» разглядывания общества у Эткина все же есть. С какой бы стороны автор не подходил к изучаемому объекту — для него он в первую очередь является текстом, продуктом письменной коммуникации. Причем научным или художественным — не важно: Эткин работает с текстом и внутри текста, вопрос о его отношении к внетекстовой реальности, его достоверности всерьёз не обсуждается. Отсюда и способ исследования: автора интересуют не проблемы, а темы и сюжеты, он ищет не факты, а сообщения, использует не понятия, а метафоры, выявляет не причинные связи, а смысловые ассоциации, и выводит читателя не на объяснения, а на оценки. По сути, цель автора — возможно более эстетически и риторически убедительно осудить колониальное зло и повинные в нём конкретные государства.

Само понятие «колонизация», как и «колония» и другие термины из того же ряда, по признанию Эткина, является для него тропом, литературным приемом переноса, расширения и смешения смыслов. Никакого точного и последовательно применяемого определения «колонизации», и в т. ч. «внутренней колонизации», у него нет. Именно в таком сознательно размытом, неограниченном виде оно и нужно автору, чтобы удерживать вместе многообразные истории, персоналии и случаи, собранные на страницах его книг.

В целом методологическое прочтение Эткина позволяет сделать несколько замечаний:

- 1) Колонизация должна типологизироваться по содержательным, существенным признакам. Ее различие на «внешнюю» и «внутреннюю», на «там» и «тут» само по себе ничего не говорит, и работы Эткина сути этого различия не проясняют.

- 2) Восприниматься в качестве «колонии» (культурным гегемоном) и быть колонией — это не одно и то же. Быть колонией — значит подвергаться эксплуатации со стороны метрополии, участвовать в той

или иной форме неэквивалентного обмена. А установление факта эксплуатации требует количественных измерений и межрегиональных сопоставлений.

3) Регионоведению Дальнего Востока нужен тщательно разработанный понятийный аппарат, иерархия аналитически различающих, тонко дифференцирующих и точно определяемых понятий, а не безразмерные резиновые метафоры вроде «внутренней колонизации».

4) Вопрос о том, сменяется ли колониальный подход к Дальнему Востоку неколониальным, — это вопрос о практике социально-экономических отношений макрорегиона и центра, роль которого в соотношении и составе встречных бюджетных, инвестиционных, торговых, технологических и миграционных потоков между ними, а не в топонимике. Иначе мы опять возвращаемся в литературную, беллетристическую парадигму Эткинда, где образы объектов, живущие своей дискурсивной жизнью, вполне заменяют сами объекты.

Я. А. Барбенко: Начну со второго подвопроса: глядя на историю южной части Дальнего Востока, можно думать, что этот регион, легитимность присоединения которого во многом связана с реалиями Крымской войны (1853–1856), начало массового заселения которого связано с Кульджинским кризисом (1871–1881), а строительство железных дорог (и ещё больший приток населения и возникновение предпосылок экономического развития) с интересами в Маньчжурии и русско-японской войной (1904–1905), действительно имел для Российской империи (и возможно последующих государств на нашей территории) именно военно-стратегическое значение, перед которым все другие пасовали. Однако прежде чем ответить на вопрос содержательно, следует понять, возможно ли в категориях Эткинда понятие «колония присутствия».

Давайте обратим внимание на набор понятий и метафор, с помощью которых автор в работе «Природа зла» анализирует пространственные отношения: «территоризация насилия» [18, с. 38], «(территориальная) концентрация насилия» [18, с. 38], «имперская (т. е. на расстоянии) политика», «колониальные (т. е. удалённые, предназначенные для других) методы интенсификации труда» [18, с. 49–54], «связывание пространства» [18, с. 62–66], «местное (т. е. дифференцированное пространством) знание» [18, с. 212], «экологический империализм» [18, с. 188] и «меркантильный насос» [18, с. 353–354] как перераспределение материи между удалёнными местами (в большем и меньшем масштабах соответственно), «распространённые и точечные ресурсы» [18, с. 263–264], «местный крестьянский труд» и «дальняя торговля имперского центра» [18, с. 280], «призрачные (удалённые) акры» [18, с. 401–404] и так далее. Очевидно, что данный словарь позволяет описывать пространственные отношения, но автор их использовал для того, чтобы описывать отношения, формирующиеся вокруг ресурсов, их добычи, обработки, распределения, перераспределения; при этом пространство имеет значение: оно отделяет, отдаляет, затрудняет доступ (возможно, именно поэтому в колониях активно эксплуатировалась колониальная социальная иерархия, закрепляющая статус «белого человека»). Формулирование категории «колония присутствия», то есть «пространство как ресурс» на базе словаря и логики Эткинда явно будет насилием над познавательным аппаратом, призванным описывать, как уже отмечалось, совсем дру-

гие отношения; теперь пространство выступает не как фактор, но как объект.

На мой взгляд, простое решение этого вопроса заключается в том, что пространству к функциям фактора работы с ресурсами можно прибавить функцию ресурса, тогда использование пространства можно представить в виде стремления и удерживания «естественных границ» (похожий сюжет у А. Эткинда можно найти ещё в статье 2001 г. [15, с. 62]), а основным интересом и способом потребления такого ресурса будет военный интерес и военный способ.

Таким образом, мы приходим к логике «колонии присутствия»: потребление Дальнего Востока выступает в форме отодвигания границ от центральной части государства и удерживания противника на расстоянии, о чём я уже говорил сначала.

Относительно второго вопроса. Я считаю, что методология Эткинда вполне подходит для предложенной интерпретации топонимов «Дальний Восток России» и «Тихоокеанская Россия». Каждое из этих понятий, сформулированных в своей грамматической форме, несёт свой, специфический, образ территории. Так, притяжательное словосочетание «Дальний Восток России» явно отсылает к принадлежности Дальнего Востока к России с одной стороны, но также и разделяет эти понятия (и, как следствие, явления): существует некоторый Дальний Восток (на деле часть большого Дальнего Востока/Восточной Азии), который принадлежит России. Можно было бы уточнять и дальше, является ли Дальний Восток России её частью или нет, однако само понятие не даёт к тому никаких оснований. Именно такое разделяющее, закрепляющее роли и неравенство понимание колониальности, использует Александр Эткинд в своих работах [16, с. 272; 17, с. 90–96]. Понятие же «Тихоокеанская Россия» заставляет видеть нас особое качество России – её так сказать «тихоокеанскость», то есть как минимум положение на берегах великого океана, а возможно, и указывает на какое-то внутреннее качество России, однако ни об этом, ни о том, возможны ли несколько России, одна из которых тихоокеанская, само понятие сказать нам не может. Соответственно, если понятие «Дальний Восток России» экзотизирует регион и отделяет его от России, то понятие «Тихоокеанская Россия» в такой логике выступает в роли интегрирующей, когда Россия не присоединяет далёкий Дальний Восток и не включает его как экзотическую часть, а сама приобретает особое качество.

В. Н. Караман: При разборе книги Эткинда «Природа зла: сырьё и государство» [18] наметилось два направления, по которым идут выступления участников. Первое это анализ самой книги и проблем, затронутых автором в ней. Второе это обсуждение собственно проблем, затронутых автором, но уже лежащих за пределами его воззрений. По первому направлению все участники согласны в том, что автор, не будучи историком и политологом, включился в давно известную и разработанную тему как дилетант, но дилетант грамотный и, главное, не отягчённый поразившей научный мир «заразой» фольклористов à la Фоменко и Ко. Да, можно скрупулезно придираться ко всем положениям автора и детально показать, где у него противоречие, где натяжка. Но участники благоразумно от этого отказались, сосредоточив основное внимание на втором направлении, и взяли за основу вполне здравые суждения о природе колонизации во всех её аспектах.

³ Можно напомнить действия Фридриха II, экономившего даже на обеде королевской семьи, но не как гоголевский Плюшкин, который, сберегая копейки, терял значительные суммы, а вполне рационально.

Строя свою теорию колонизации, Эткинд, на мой взгляд, разбрасывается материалом, т. е. он больше ищет поддержки в цитатах, собранных со всех авторов, кто так или иначе высказывался о колонизации, чем строит собственную теорию колонизационного развития. При этом автор более склонен к литературно-журналистскому пониманию колонизации. Кстати, такой подход не совсем уж стоит откидывать как ненаучный: он позволяет взглянуть на неё глазами её «неучёных» участников.

У Эткинда, к сожалению (это общий недуг всех не историков), отсутствует структурирование выводов. То, что метрополия это «паук» на сердце колонизируемого им мира, в научном понимании для меня бесспорно, а вот в политическом пока ещё в стадии разрешения, т. к. часть акторов, несмотря на очевидность дисбаланса «колония—метрополия», продолжают считать вполне «нормальным» выкачку средств из колоний — это пока просто политическая реальность. Сегодняшняя ситуация в мире полностью подтверждает это. Причем я привёл термин именно «колонизируемого мира», а не «колонизируемого пространства» — пространство это как раз взгляд метрополии. Там колонизируется именно пространство, и там нет людей. Население колонии для метрополии не люди, а ресурс — нечто из чего можно извлечь какие-либо блага, будь то финансы или что-либо иное. В крайнем случае население можно поизучать как экзотическое насекомое. Это характерно для всех колониальных империй как древних, так и современных. Здесь вполне следует разделить мнение, что наличие колоний это отличительный признак империи. При этом не важно «заокеанская» это колония или «естественное продолжение границ». Без колониального пространства это уже бывшая империя. Так, например, Византийская империя XIV–XV веков и особенно последние годы своего существования, это было небольшое, правда, неплохо укрепленное, но всё же маленькое и далеко не могущественное поселение, но уже никак не империя. Еще один штрих, пропущенный Эткиндом: у него нет четкой грани между колонизацией пространства («естественное» расширение границ), колонизацией мира (включение в свою орбиту населенных территорий, но еще не ставших самостоятельными государствами способными отстаивать свою независимость) и прямой оккупацией.

Говоря о перекосе в рассуждении о пушной торговле, следует отметить, что при всех упущениях и произвольных допущениях автора в данном вопросе присутствует вполне здравая идея об экстенсивности любой колонизации. При этом все ресурсы идут не на модернизацию и расширение, как у бесколониального государства, вынужденного беречь каждую копейку³ и вкладывать только в то, что даст отдачу, а не в, говоря современным сленгом, «понты». Здесь можно напомнить классическое китайское изречение: «если в империи хоть один мужчина не пашет и хоть одна женщина не ткёт, то кто-то в империи страдает от холода и голода». Примеров бессмысленных трат метрополий перед распадом империй более чем достаточно. При этом действовал (вне зависимости от его понимания самими акторами на подсознательном уровне) принцип: колонизируемое не моё и в любой момент может быть отторгнуто, поэтому надо как можно скорее выкачать всё что можно. Тут многие затронули психологическое различие в жителях метрополии и колонизируемого мира. Причём понятие колонии

и метрополии размыто и идёт параллельно с понятием провинция. В принципе это иерархическая структура мира. Биологи, кстати, излишне схематично без учета особенностей эту структуру считают настолько присущей человеку как животному, что делают неразрывной с ним. Но и сами же биологи обратили внимание, что человек всё же другое животное и часто отторгает иерархию, чего нет в животном мире. Поэтому говорить о колонизации и освоении как о естественном состоянии человеческого общежития всё же не стоит. У Эткинда это прямо не говорится, но косвенно это в его работах присутствует.

Говоря о Дальнем Востоке как о «колонии присутствия», мы все сразу вышли за пределы построений Эткинда. То что Дальний Восток — колония, не вызвало никаких возражений. О хищнически-эксплуатационном отношении метрополии к колонии, никак не способствующим его освоению, тем более развитию, говорилось достаточно много. Современное состояние Дальнего Востока не исключение. Здесь можно отметить, что понимание связки «метрополия—колония» претерпело существенную деформацию в рамках неокOLONIALИЗМА: теперь у колонии может быть не одна метрополия; кроме метрополии де-юре есть метрополия де-факто. Данная тенденция проявилась ещё с конца XIX века и усилилась в XXI. Так, в колонизируемом крае экономическую выгоду извлекают все, кроме самих жителей этих территорий.

Что касается второго вопроса круглого стола, здесь мы всё дальше отходим от теорий Эткинда и даём свои интерпретации. Суть их в том, что да, мы больше дальневосточники, чем россияне (этот термин так и не прижился и вызывает большое отторжение и неприятие). Менталитет сибиряков и дальневосточников всё больше расходится с ментальностью жителей центральной России. Последние политические события только ещё больше усиливают этот разрыв. Здесь мы не будем рассматривать динамику данного разрыва, только отметим, что естественные преграды-разделители, Уральские горы, озеро Байкал и нахождение Дальнего Востока на берегах Тихого океана, действительно делают их обособленной территорией, однако в современном мире уже нельзя говорить об удалённых уголках. Вопрос же о том, сотрутся ли различия (так полагали в начале XX века) или наоборот усилятся (тенденция XXI века), для одних закономерная, для других неожиданная) остаётся открытым.

Литература

1. Барбенко Я. А., Горюнов А. П., Демьяненко А. Н., Заколотная А. С., Ковалевская Ю. Н., Кондратенко Г. В., Минакир П. В., Назарова Я. В., Фетисова Л. Е. «Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4. С. 55–67.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
3. Демьяненко А. Н. Территориальная организации хозяйства на Дальнем Востоке. — Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
4. Записки охотоведа. Освоение как следствие перемен этнического кода / В. Бочарников [Электронный документ] // Портал «Проза.ру» (сайт). Режим доступа: <https://proza.ru/2019/06/03/154> (Дата обращения: 12.09.2020).
5. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. — СПб.: 1905. 349, 81 с.
6. Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. — СПб.: 1877. 528 с.

7. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. — М.: Эксмо, 2019. 368 с.
8. Освоить [Электронный документ] // «Gufo.me» (сайт). Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/osvoit> (Дата обращения: 12.09.2020).
9. Освоение [Электронный документ] // «Всловаре.ру» (сайт). Режим доступа: <http://vslovar.ru/slovo/filosofskii-slovar/osvoenie/44474> (Дата обращения: 12.09.2020).
10. Пивоев В. М. Вопрошание и о смысле и освоение мира [Электронный документ] // «Культуролог» (сайт). Режим доступа: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=176 (Дата обращения: 12.09.2020).
11. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 111 с. [Электронный документ] // «Электронная библиотека по философии» (сайт). Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000933/st000.shtml> (Дата обращения: 12.09.2020).
12. Пивоев В. М. Философия и методология науки [Электронный документ] // «Бесплатная библиотека научно-практических конференций» (сайт). Режим доступа: <http://libed.ru/metodicheskoe-posobie/1250438-4-v-pivoev-filosofiya-metodologiya-nauki-federalnoe-gosudarstvennoe-byudzhethoe-obrazovatelnoe-uchrezhdenie-visshego.php> (Дата обращения: 12.09.2020).
13. Предварительные материалы круглого стола ««Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?» / Я. А. Барбенко, В. Н. Бочарников, А. С. Заколотная, Ю. Н. Ковалевская, Л. Е. Фетисова [Электронный документ] // Сайт журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Режим доступа: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (Дата обращения: 12.09.2020).
14. Родоман Б. Глобальные экологические проблемы [Электронный документ] // Портал «Проза.ру» (сайт). Режим доступа: <https://proza.ru/2018/08/15/1248> (Дата обращения: 12.09.2020).
15. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 50–73.
16. Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–298.
17. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
18. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. 504 с.
19. Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6–50.
20. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — СПб.: 1882. 471 с.

Vladimir N. BOCHARNIKOV

Ph. D. (in Biology), Leading Researcher, Pacific Institute of Geography FEB RAS (Vladivostok, Russia)
E-mail: vbocharnikov@mail.ru

Alexander N. DEMYANENKO

Ph. D. (in Geography), Head of the Sector for Development and Functioning of Territorial Economic Systems, Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russia)
E-mail: demyanenko@ecrin.ru

Anton A. KIREEV

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: antalkir@yandex.ru

Yaroslav A. BARBENKO

Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Political Sciences,
Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern
Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: prohist@ya.ru

Vadim N. KARAMAN

Ph. D. (in History), Head of the Library, Primorsky State United Museum named
after V. K. Arsenyev (Vladivostok, Russia)
E-mail: karaman-v.n@mail.ru

Roundtable “Is ‘Colonization’ of Space Possible?”

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/79-92

The era of mobility erases territorial identity, but this does not diminish the relevance of its study, even if only as a historical phenomenon. For “regions of late development”, such as the Far East, identity is associated with the concepts of colonization / development, and, moreover, inherent in the name of the region. Our team has already addressed the problem of correlating the concepts of “colonization” and “development”; this time we decided to focus on the approach of Alexander Etkind, who published another book in the outgoing year. The purpose of our meeting was to discuss the system of Alexander Etkind’s views on the essence of coloniality, to analyze one of the central concepts used by Etkind in many studies, “internal colonization”, and to assess the limits of this concept’s applicability. Main issues for discussion: 1) in “The Nature of Evil: Raw Materials and the State” Etkind writes about natural resources as raw materials for production; are the author’s categories suitable for analyzing space as a resource for development, space as such, without taking into account the raw materials available there? Can the Far East, for example, be interpreted as a “presence colony”? 2) the logic of the concept of internal colonization is based on the idea of exoticization of the outskirts by the center, commoners by the ruling class, society by the state; in this case, is it possible to interpret the toponyms “Russian Far East” and “Pacific Russia” used today as two images of the territory – traditional colonial (exoticizing and dividing) and modern non-colonial (normalizing and integrating)?

For citation: Roundtable “Is ‘Colonization’ of Space Possible?” // Oriental Institute Journal. 2020. № 3. P. 79–92.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/79-92

References

1. Barbenko YA. A., Goryunov A. P., Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 4. Dem'yanenko A. N., Zakolodnaya A. S., S. 55–67.
2. Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni. — M.: E. «Kolonizatsiya» i/ili «osvoenie»: chto nam delat' s izbytkom terminologii?// Ojkumena.
3. Dem'yanenko A. N. Territorial'naya

- organizatsii khozyajstva na Dal'nem Vostoke. — Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 284 s.
4. Zapiski okhotoveda. Osvoenie kak sledstvie peremen ehlnicheskogo koda / V. Bocharnikov [EHlektronnyj dokument] // Portal «Proza.ru» (sajt). Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2019/06/03/154> (Data obrashheniya: 12.09.2020).
5. Kaufman A. A. Pereselenie i kolonizatsiya. — SPb.: 1905. 349, 81 s.
6. Lerua-Bol'e A. Kolonizatsiya u novejsikh narodov. — SPb.: 1877. 528 s.
7. Nikols T. Smert' ehkspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya. — M.: EHksmo, 2019. 368 s.
8. Osvoit' [EHlektronnyj dokument] // «Gufo.me» (sajt). Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/ozhegov/osvoit/> (Data obrashheniya: 12.09.2020).
9. Osvoenie [EHlektronnyj dokument] // «Vslovar.ru» (sajt). Rezhim dostupa: <http://vslovar.ru/slovo/filosofskii-slovar/osvoenie/44474> (Data obrashheniya: 12.09.2020)
10. Pivoev V. M. Voproskanie i o smysle i osvoenie mira [EHlektronnyj dokument] // «Kul'turolog» (sajt). Rezhim dostupa: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=176 (Data obrashheniya: 12.09.2020).
11. Pivoev V. M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira. — Petrozavodsk: Kareliya, 1991. — 111 s. [EHlektronnyj dokument] // «EHlektronnaya biblioteka po filosofii» (sajt). Rezhim dostupa: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000933/st000.shtml> (Data obrashheniya: 12.09.2020).
12. Pivoev V. M. Filosofiya i metodologiya nauki [EHlektronnyj dokument] // «Besplatnaya biblioteka nauchno-prakticheskikh konferentsij» (sajt). Rezhim dostupa: <http://libed.ru/metodicheskies-posobie/1250438-4-v-pivoev-filosofiya-metodologiya-nauki-federalnoe-gosudarstvennoe-byudzhetnoe-obrazovatelnoe-uchrezhdenie-visshego.php> (Data obrashheniya: 12.09.2020).
13. Predvaritel'nye materialy kruglogo stola ««Kolonizatsiya» i/ili «osvoenie»: chto nam delat' s izbytkom terminologii?» / YA. A. Barbenko, V. N. Bocharnikov, A. S. Zakolodnaya, YU. N. Kovalevskaya, L. E. Fetisova [EHlektronnyj dokument] // Sajt zhurnala «Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya». Rezhim dostupa: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (Data obrashheniya: 12.09.2020).
14. Rodoman B. Global'nye ehkologicheskie problemy [EHlektronnyj dokument] // Portal «Proza.ru» (sajt). Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2018/08/15/1248> (Data obrashheniya: 12.09.2020).
15. EHtkind A. Fuko i tezis vnutrennej kolonizatsii: postkolonial'nyj vzglyad na sovetskoe proshloe // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 3. S. 50–73.
16. EHtkind A. Bremya britogo cheloveka, ili Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii // Ab Imperio. 2002. № 1. S. 265–298.
17. EHtkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 s.
18. EHtkind A. Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 504 s.
19. EHtkind A., Uffel'mann D., Kukulin I. Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem // Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kul'turnoj istorii Rossii: Sb. statej / Pod red. A. EHtkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 6–50.
20. Yadrntsev N. M. Sibir' kak koloniya. — SPb.: 1882. 471 s.